

УДК 332.055.4:630*6

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Г. Б. Козырева

Институт экономики Карельского научного центра РАН

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами и перспективами формирования новых подходов в лесной политике России. Через лесное законодательство анализируются процессы развития лесных отношений за годы рыночных реформ на основе групп интересов и групп влияния, а также проблемы формирования эффективного собственника в лесном комплексе Республики Карелия.

Ключевые слова: лесная политика, экономика, группы интересов, законодательство, институты, собственность на лес, компенсационный подход, лесная сертификация.

G. B. Kozyreva. INSTITUTIONAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE FORESTRY IN MODERN RUSSIA (THE CASE OF REPUBLIC OF KARELIA)

Issues related to the problems and prospects of new approaches in Russian forest policy are discussed. We use forest legislation to approach the analysis of processes in the development of socio-economic relations in the forest sector over the years of market reforms on the basis of interest groups and pressure groups, as well as the problem of formation of an efficient owner in the forest sector of Karelian Republic.

Key words: forest policy, economy, interest groups, legislation, institutions, forest ownership, compensation approach, forest certification.

Богатый исторический опыт формирования и развития лесного хозяйства России восходит к эпохе Петра Великого, который является основателем лесного законодательства, лесной службы и развития лесной науки. Далее были «Лесной департамент», учрежденный Павлом I, «Корпус лесничих», основанный Николаем I, «Лесное учение» Морозова, «Лесоустройство» Орлова. Исторический багаж сформировал фундамент российского лесного хозяйства, основанный на формуле Морозова «рубка леса равна лесовозобновлению», в которой зародились принципы современной концепции устойчивого развития, отражающей баланс эко-

номической, социальной и экологической составляющих.

Советское государство, реализуя политику индустриализации (1928–1930 гг.), подвергло лесное хозяйство серьезной реформе. Произошло разделение лесного хозяйства и лесной промышленности (чего никогда не было в западных странах) и отрицание рыночного подхода в лесопользовании; был осуществлен отказ от наработанной научной базы; отпала востребованность в квалифицированных лесничих. Только к 1970-м гг. лесное хозяйство возвращается на научную платформу [Курамшин, 2010].

За 20 лет рыночных реформ лесные отношения не приобрели оформленного контура¹. В результате государство не имеет единой хозяйственной системы «лесное хозяйство», объективно объединяющей равноценные, но взаимозависимые и взаимодополняющие друг друга экономические подсистемы – лесовыращивание и лесодобыча. В этом кроется одна из институциональных проблем российской лесной экономики, которая сегодня, по сути, является «мачехой» у бедной «падчерицы», называемой лесное хозяйство.

Практика демонстрирует отсутствие общественного участия в процессе принятия решений по вопросам лесов в России. Правила, регулирующие сегодня отношения в системе лесного хозяйства, не удовлетворяют всех участников этих отношений. Равновесия не устанавливается, это влечет за собой новые эксперименты и непредсказуемые социальные последствия. Ключевые группы интересов включают: лесопромышленников (**крупный бизнес**), региональную **власть** и **местные сообщества** (куда относятся помимо населения местная власть и малый бизнес).

Одним из мощных институциональных факторов, обуславливающих обострение конфликтов между основными группами интересов в системе лесного хозяйства и провоцирующих коррупцию и правонарушения, является несовершенство федерального и регионального законодательства, регулирующих лесные отношения. По мнению экспертов, действующий Лесной кодекс носит рамочный характер, нуждается в уточнениях, в дополнениях. Академик Исаев сказал: «...до разработки Лесного Кодекса не были допущены специалисты-лесники. Тот же, кто его разрабатывал, с трудом отличает елку от сосны».

В законе не проработан вопрос о финансировании лесохозяйственных работ, исполнение которых возлагается на лесопользователя, и которые включают не только лесовосстановление, но и защиту леса от вредителей и болезней, а также охрану от пожаров. Финансирование «по умолчанию» возлагается на арендатора. Драматические последствия лесных пожаров 2010 г. являются той ценой, которую заплатило общество за некачественный закон.

Переход от заключения договоров купли-продажи к договорам аренды участков леса приводит, в конечном итоге, к исчезновению с рынка малых предприятий, которые наиболее эффективны при освоении небольших участков леса, отдаленных от основных мест лесозаго-

товки. Как отметил специалист ЗАО «Илим Палп Энтерпрайз» Д. Чуйко, «*Минус нового Лесного кодекса состоит в том, что лесные аукционы не выявят самого добросовестного лесопользователя. Они просто отдадут лес в аренду той компании, у которой окажется больше денег*» (из интервью радиостанции Эхо Москвы, 2008 г.).

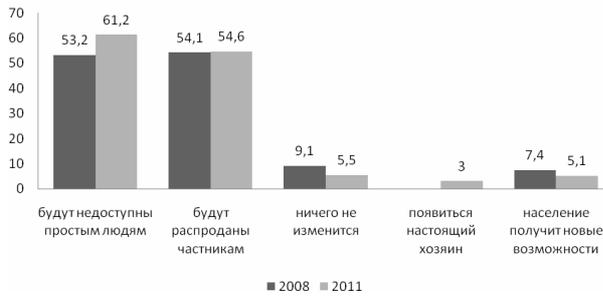
В законе нарушен основной методологический подход к лесфонду как к неделимому природному комплексу. Произведено разграничение понятий древостоя и лесных земель. При этом смешиваются механизмы лесного, земельного и гражданского права. Искусственное отделение лесного участка от произрастающих на нем насаждений создает прецедент включения такого участка в свободный оборот. То есть в законе завуалирован механизм перевода леса из государственной собственности в частную [Козырева, 2007].

Существует проблема сельских лесов. Земли, на которых находятся сельские леса, активно переводятся из категории лесопокрытой площади в земли сельхозназначения, что позволяет включать их в свободный оборот. Само понятие сельские леса в настоящее время не определено юридически, поэтому может трактоваться с учетом определенных интересов. В связи со спорностью идентификации, под видом сельских лесов порой проходят обычные лесные насаждения, что позволяет местным чиновникам распоряжаться ими по своему усмотрению. Отсюда также произрастают практики огораживания.

Если ст. 11 Лесного кодекса предоставляет гражданам право свободного и бесплатного пребывания в лесах для собственных нужд (сбор ягод, орехов, грибов и др.), то п. 5 этой же статьи ограничивает данные права в целях обеспечения пожарной безопасности и санитарной безопасности в лесах. Таким образом, арендатор или пользователь лесного участка может свободно огородить свой лес забором во избежание его захламления и по соображениям пожарной безопасности. Что, собственно, и происходит с молчаливого согласия власти.

По результатам исследований ИЭ КарНЦ РАН [Исследование..., 2008], новое лесное законодательство ущемляет права местных жителей. «*Уже сегодня, когда еще не разрешена частная собственность на лес, мы наблюдаем глухие заборы, ограды из колючей проволоки, вооруженную охрану и бойцовских собак. Люди не могут собирать грибы и ягоды на своих исконных местах. А что будет, когда частную собственность разрешат?*» (из интервью жителя, Пудожгорский, 2008)

¹ Основные принятые законы «Основы лесного законодательства» (1993 г.), Лесной кодекс (1997 г.), а затем Лесной кодекс (2007 г.) не устранили всех последствий реформы 1928–1930-х гг.

Последствия, связанные с введением частной собственности на лес и землю

В российской общественной, профессиональной и научной среде за два года до принятия Лесного кодекса началась острая дискуссия по вопросам частной собственности на лес, которая продолжается до сих пор, набирая новые обороты. На основании принципа ст. 9 Конституции РФ¹, Конституционный суд РФ по делу о проверке конституционности действующего Лесного кодекса дал заключение: «Лесной фонд России ...представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим»².

Результаты исследований о перспективах развития отношений собственности на лес в России [Проблемы..., 2008; Исследование..., 2008] показали, что население РК отдает свое предпочтение государственной форме – доля респондентов, поддерживающих ее, росла вместе с увеличением возраста рыночных реформ (1997 г. – 65 %; 2004 г. – 81 %; 2011 г. – 83 %). Такие ответы обосновываются респондентами достаточно вескими причинами (рис.). Подавляющее большинство респондентов (53–61 %) опасаются доступности леса. Больше половины из них считают, что лес будет спилен и распродан, что также влечет за собой негативные последствия, связанные не только с ухудшением экологии, но с потерей последнего шанса на жизнь – сегодня «лесом» кормится почти все население лесосырьевых районов, для некоторых из них лес является единственным источником жизни. Таким образом, результаты исследования показывают, что у населения Карелии произошло отторжение идеи частной собственности на лес, что может быть объяснено ее дискредитацией в обществе.

¹ В соответствии с этим принципом, земля, леса и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

² При этом Конституция допускает возможность нахождения природных ресурсов в различных формах собственности, но не обязывает к тому, чтобы лесной фонд находился в этих формах собственности.

Сегодня (2012 г.), когда убыточность лесных предприятий снова стала приобретать масштабный характер, среди жителей лесных поселков «зреют» определенные опасения за судьбу не только самих предприятий, но и лесов, в которых они работают. Наиболее остро воспринимаются людьми новые правительственные инициативы в лесной политике, связанные с приватизацией лесов. Именно эти процессы стали наиболее серьезным фактором, определившим их позицию по вопросу собственности на лес в сторону государственной формы. Мнение крупного бизнеса является хотя и неоднозначным, но более осознанным: «Не важно, какая собственность – частная или государственная, важно, чтобы правила лесопользования были одни для всех».

Вместе с тем, исследуя ситуацию, связанную с собственностью на природные ресурсы в России, в частности, с собственностью на лес, нужно понимать, что социальная реальность значительно сложнее, чем ее отражение в когнитивных моделях разных социальных групп. У сторонников государственной собственности на лес данная модель ассоциирует с сохранением всех гарантий для общества. При этом люди не учитывают того, что чиновник при решении вопросов, связанных с лесом, действует в первую очередь в собственных, а не общественных интересах. С другой стороны, у сторонников частной собственности свое представление, а зачастую и интерес к этой модели. И этот интерес также основывается не на реальной экономической эффективности, а на тех же перспективах получения социальной ренты. Отсюда вытекают вполне закономерные противоречия, связанные с эффективным собственником в сфере лесного хозяйства и лесной экономики. Частная собственность на лес неэффективна из-за социальной незрелости и оппортунизма крупного бизнеса, государственная – из-за оппортунизма и безответственности чиновника. Вопрос об оптимальной модели остается открытым.

Академик РАН Д. С. Львов считал, что разговор о частной собственности на природные ресурсы (землю, лес, недра) не является принципиальным. «Важна не сама по себе форма собственности. Важно, чтобы весь спектр прав собственности, включая и право частной владения землей, получил характер свободного рыночного оборота. Можно подобрать такую процедуру, которая, по существу, стирает формальные различия между ними, например, между частной собственностью и бессрочной арендой земли. Эти различия, в частности, вуалируют главную и определяющую причину

истинных различий в формах собственности: присвоение рентного дохода, который не является результатом вклада ни одного из факторов производства, кроме природных ресурсов» [Львов, 1999].

Вопросы собственности сегодня сводятся к вопросам власти. Рыночные реформы, ликвидировав государственную монополию на собственность, на первых этапах создали для градообразующих предприятий условия монопольного владения всеми ресурсами (материальными, финансовыми, трудовыми и т. п.) не только своих предприятий, но и локальных территорий, где они функционируют. В советские времена директора градообразующих предприятий отличались авторитарной политикой не только по отношению к своим работникам, но и к местному населению поселков и малых городов. Кроме того, они, как правило, имели тесную, в том числе и родственную связь с местной и региональной властью.

В ситуации высокой неопределенности будущего и в условиях отсутствия защиты прав контрактов «лесные генералы» стали носителями «специальных групп интересов», которые ориентируют производственную деятельность на семейно-родственные отношения, имеющие в значительной степени теневой или криминальный характер. Все это создает почву для ограничения конкуренции и монополизации рынков. Там, где государство не защищает и не специфицирует права собственности, эту функцию начинают выполнять экономические агенты с целью поиска ренты – получение ренты связано с использованием перераспределительной функции государства [Политическая экономия..., 2010].

Приватизация, несмотря на доминирование в структуре собственности доли рабочих и служащих, позволила директорам контролировать собственность своих и смежных предприятий (поставщиков и потребителей) силовыми методами. В последующем акции трудового коллектива были скуплены все теми же силовыми методами (угроза увольнения, невыплата заработной платы и т. п.). В результате в середине 1990-х гг. в лесном комплексе Карелии была создана модель собственности «лесных генералов» по типу феодальной, которые фактически незаконно стали безраздельно владеть лесными, производственными и трудовыми ресурсами локальных территорий. Как сказал М. Делягин: «бизнес развивался за счет захвата чужой собственности и при отсутствии института защиты прав собственности свою собственность гарантировал за счет политических механизмов» [Бузгалин и др., 2005].

Монополисты блокировали идею создания вертикальных структур, объединяющих лесозаготовителей и деревообработчиков, полагая, что будут и дальше контролировать лесной рынок. Приграничное положение (среди монополистов большинство располагалось в приграничье) давало им преимущественный выход на европейские рынки с необработанной древесиной и получения «быстрых денег» без каких-либо инвестиционных нагрузок. Здесь возникает три опасности для региона [Козырева, 2011а,б].

Во-первых, экономика, ориентированная на экспорт сырья, имеет сильную зависимость от колебаний спроса и цен на сырьевые товары европейских рынков и от изменения курса рубля. В ситуации с Карелией в 1990-е гг. эти колебания определили нестабильное социально-экономическое развитие республики – провалы в экономической сфере обуславливали социальную нестабильность.

Во-вторых, близость к границе стала фактором неконкурентоспособности карельской древесины и остается им до сих пор. Ориентация на рынок Финляндии заранее определяет завышенную цену и себестоимость заготовленной в Карелии древесины, так как предприятия заинтересованы продать ее в Европе в 1,5–2 раза дороже, чем на внутреннем рынке. Поэтому значительная часть карельских лесозаготовителей оказалась оттесненной от российского рынка, так как их древесина была слишком дорогой по сравнению, например, с архангельской или костромской [Дружинин, 2000].

В-третьих, сложившаяся ситуация закрепляет «голландскую болезнь». Лесной комплекс, а вместе с ним весь лесной кластер попадает в институциональную ловушку, которая была создана еще в 1990-е гг. Регионы, не имеющие возможности экспортировать лесное сырье и не имеющие финансовых льгот, такие как Карелия (федеральные налоги оставались в республике в специальном инвестиционном фонде), вынуждены были искать пути развития через развитие инновационных проектов в образовании, обрабатывающих производствах, новых отраслях [Дружинин, 2000].

В результате использование монопольного положения создает тройной негативный эффект для республики и ее населения. В таких условиях цель бизнеса – максимизация прибыли – реализовалась в виде получения монопольной прибыли или ренты (по Бьюкенену, рента – доход, получение которого сопровождается нанесением ущерба благосостоянию общества) [Скоробогатов, 2007]. Экономические

показатели лесных отраслей в 1990-е гг. свидетельствуют об их неэффективном развитии, а, следовательно, о неэффективном собственнике. К концу 1990-х гг. в рамках нового лесного законодательства [Лесной кодекс, 1997] региональная власть стала восстанавливать рычаги влияния на лесной бизнес через лесные ресурсы – началось внедрение арендных отношений, лесные ресурсы начали распределяться на конкурсной основе. Эти меры привели к перераспределению «прав собственности» на лес от директоров предприятий к региональным и муниципальным чиновникам, которые также в свою очередь монополизировали собственность на лесные ресурсы. Формально этот процесс проходил в рамках закона, а фактически ренту начали получать представители власти без учета интересов большинства регионального сообщества. Манипулируя лесными конкурсами, распределением прав аренды леса, требованиями к оплате аренды, чиновники действовали по тому же семейно-клановому принципу.

Новый разворот в структуре собственности лесных предприятий произошел с вводом нового Лесного кодекса в 2007 г. Региональные власти заинтересованы в привлечении крупных инвесторов на территорию республики. Именно они делают основной выбор потенциальных собственников леса и лоббируют их победу. За этим просматривается появление сращенного интереса региональной власти и крупного бизнеса.

В настоящее время продолжают процессы, связанные с закреплением зависимости работников предприятий, жителей поселков и малых городов от политики главного собственника. Новая лесная власть при этом не несет никакой социальной ответственности. У людей отбирается не только право на работу, но и право на жилище, которое на сегодня пришло в негодность, а ремонт или приобретение нового для них практически не подъемно. Крупный бизнес сегодня не заинтересован вкладывать инвестиции в социальную сферу. У него практически нет обязательств (ни социальных, ни моральных) перед местными сообществами. Особенно остро эти вопросы стоят в депрессивных районах Республики Карелия [Проблемы..., 2007].

Кроме того, эффективность лесной экономики Карелии крайне низка – уже в 2007 г., не говоря о настоящем периоде, 90 % лесозаготовительных предприятий были убыточными. Первое десятилетие XXI в. прошло под знаком убытков. Приходится констатировать, что эффективный собственник леса пока остается недостижимым для таких регионов, как Карелия.

В результате региональный лесной кластер, включающий помимо лесной экономики и лесное хозяйство, и работников предприятий, и так называемые лесные поселки, и условия существования этих поселков [Морозова и др., 2010], не только не развивается, а фактически деградирует. Яркий пример такого поведения – ситуация с Сегежским ЦБК, где местное сообщество стало заложником борьбы крупного капитала за сферы влияния.

В сложившихся условиях от фактических собственников ресурсов (а на сегодня это региональная власть в связке с крупным бизнесом) требуется выстраивание строгих и прозрачных схем взаимодействия с бизнесом, что могло бы способствовать легитимизации и спецификации сформированных прав собственности. При этом население должно участвовать в этой системе взаимодействия через компенсационные механизмы, обеспеченные как государством, так и бизнесом [Козырева, 2011а, б].

В настоящее время назрела необходимость переосмысления процессов, связанных с изучением социально-экономических последствий лесной политики [Проблемы..., 2010]. Республика Карелия, являясь регионом лесосырьевой ориентации, находится в состоянии выбора – продолжить путь сырьевого региона, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал или выйти на инновационные модели развития, ориентированные на поддержание устойчивости социума. В формате происходящих институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы.

Лесная политика России на протяжении 70 лет способствовала потере практически всего человеческого капитала лесосырьевых регионов. В данном контексте приобретает особый смысл идеология, ориентированная на преимущественное право именно местного населения иметь свою обоснованную долю природной ренты. В настоящее время лесной бизнес может компенсировать часть этой ренты через свою социальную и экологическую политику в местах своего присутствия, и это может быть одним из путей решения проблем лесных поселков. Проблема природно-ресурсной ренты, как показано в трудах академика Д. С. Львова, является одной из ключевых сфер общероссийских народнохозяйственных проблем. Именно она более всего отражает специфику лесосырьевых регионов. На правильном решении этой проблемы может базироваться концепция ресурсной трансформации, т. е. целенаправленного и

эффективного «превращения» природных ресурсов в ресурсы производственные, финансовые и социальные [Россия..., 2004].

Наряду с этим уже более 30 лет назад в мировой практике начала свое активное развитие новая гуманистическая идеология, имеющая под собой реальную основу стать инновационным институтом природопользования – это концепция устойчивого развития. С точки зрения экономической теории идеи устойчивости, или как они более точно звучат в английской версии – сбалансированности, уравновешенности – имеют общие корни с принципами оптимизации или «парето-улучшения», которые были предложены в начале прошлого века итальянским экономистом В. Ф. Парето. Они включают индивидуальную оптимизацию, рыночную эффективность и социальный оптимум. Здесь не хватает только экологической составляющей. В. Ф. Парето развивал идеи **«существования и стабильности равновесия»**, принадлежащие основоположнику классической школы экономики Л. Вальрасу [Компендиум по общей социологии, 2007].

Принцип «парето-оптимизации» дополняется принципом обязательной компенсации Калдора-Хикса (сформулирован в 1938–1939 гг.), согласно которому индивидуум, понесший ущерб при перераспределении, должен получить адекватную компенсацию: «Переход от одного состояния экономики к другому представляет собой улучшение общества, если те индивиды, которые получили повышение благосостояния, компенсируют потери, понесенные другими; при этом должен сохраниться общий уровень благосостояния, по крайней мере, равный исходному» [Хикс, 1999].

Данные положения имеют общие смысловые позиции с принципами концепции устойчивого развития. В представлениях об устойчивом развитии это означает, что последующее поколение, получившее в наследство истощенные природные ресурсы (леса, недра, почвы, др.), должно получить в порядке компенсации и некую накопленную ренту. Концепция УР нацелена на сохранение и развитие человеческого и социального капитала. Именно осознание первостепенной важности решения социальных проблем явилось толчком к созданию Римского клуба и, в конечном счете, к возникновению самой концепции устойчивого развития. «Без справедливого распределения ресурсов и возможностей между всеми членами человеческого общества устойчивое развитие невозможно» [Наше общее будущее, 1989].

В течение последних 20 лет в российской экономике неоднократно менялись «правила игры». Компенсационная идеология крайне медленно входит в российскую законодательную практику.

Во-первых, она была использована для разработки пакета законов о коренных малочисленных народах. В частности, последние наделяются особыми правами при получении квот на рыбную ловлю, прав лесопользования и др. Коренные народы при этом получают натуральную компенсацию от государства.

Во-вторых, компенсационная идеология заложена в национальную политику развития сельских территорий через предоставление сельским жителям права на бесплатное получение леса на корню. Законом [Закон РК, 2007] установлено, что для строительства жилья гражданин имеет право получить на семью один раз в 20 лет до 150 куб. м древесины; для дачного строительства – до 30 куб. м один раз в 25 лет; для отопления жилья, не имеющего централизованного отопления – до 15 куб. м один раз в год на одну печь. К сожалению, в настоящее время эти права обременены многочисленными барьерами.

В-третьих, в российском правовом поле есть основания, предусмотренные действующим федеральным земельным законодательством [Земельный кодекс..., № 136, 2001], позволяющим любому гражданину России один раз в жизни получить на бесплатной основе участок земли под застройку жилого дома. В соответствии с Земельным кодексом РФ основания бесплатного приобретения в собственность граждан земельных участков из государственных или муниципальных земель, также могут устанавливаться законодательством субъектов РФ. Данный закон уже принят в 30 регионах страны, но в Карелии его нет.

В-четвертых, компенсационная идеология латентно заложена в институт лесной сертификации, которую можно рассматривать как адаптацию принципа обязательной компенсации Калдора-Хикса применительно к системе лесопользования. Лесной сертификат является компенсаторным механизмом возврата местному населению доли человеческого капитала, вложенного им в формирование национального богатства страны в прошлые годы. Социальная ответственность бизнеса, являясь основным принципом лесной сертификации, нацелена на возвращение обществу доли ренты от использования природных ресурсов через социальную политику в местах своего функционирования. В данном случае местное

население получает натуральную компенсацию от бизнеса (предоставление рабочих мест, дополнительных социальных услуг, прав на переобучение и др.).

Компенсационная политика должна стать одним из приоритетных направлений государственной политики в отношении лесосырьевых территорий России. Сегодня требуется возврат к имеющимся компенсационным законам, их пересмотр с точки зрения соответствия федеральному уровню и нарушения прав населения лесосырьевых, особенно северных регионов. Также актуализируется региональная политика всесторонней поддержки лесной сертификации через создание благоприятных условий для ее реализации со стороны бизнеса.

Выводы

1. В настоящее время радикальные изменения в подходах государственной лесной политики России привели к негативным последствиям, связанным с разрушением сложившихся институциональных структур, регулирующих жизнедеятельность населенных пунктов – бывших лесных поселков РК.

2. Действующее лесное законодательство закрепляет конфликт групп интересов: бизнеса, власти и местных сообществ.

3. Сформированные отношения собственности демонстрируют неэффективные модели управления и использования лесными ресурсами, препятствующие развитию местного бизнеса и местных сообществ.

4. Экономическая теория предлагает адекватные компенсационные механизмы, позволяющие сглаживать негативные эффекты социально-экономических реформ.

5. Современная мировая лесная политика демонстрирует эффективные образцы реализации компенсационных механизмов применительно к локальным территориям, где функционирует лесной бизнес, и разным социальным группам населения, живущим на этих территориях.

6. В лесной политике отсутствуют институты, позволяющие развивать новые формы социального диалога между государством, бизнесом и местными сообществами.

7. В настоящее время актуализируется пересмотр основных подходов в государственной лесной политике и включение в нее инновационных институтов, базирующихся на принципах устойчивого развития, включающих компенсационные механизмы и подходы.

Литература

Дружинин П. В. Проблемы развития экономики Карелии // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 51–59.

Закон РК от 12.11.2007 г. № 1134–ЗРК «О порядке и нормативах заготовки древесины гражданами для собственных нужд».

Земельный кодекс РФ (от 25.10.2001 № 136-ФЗ). Вводный комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации.

Козырева Г. Б. Проблемы формирования современной модели собственности (на примере приграничного сырьевого региона России) // Учен. зап. ПетрГУ. Сер. «Общественные и гуманитарные науки» № 5 (118). Август, 2011а. С. 98–104.

Козырева Г. Б. Инновационные институты устойчивого развития лесосырьевых регионов России // Приложение к Журналу новой экономической ассоциации: [сайт]. [2011б]. URL: <http://econorus.org/onim/e.html>

Курамшин В. Я. Краткая история лесного хозяйства России // <http://www.rosleshos.gov.ru/agency/history>

Исследование состояния трудовой занятости и определение перспектив развития сельских поселений // Отчет НИР / Госконтракт № 15-08 от 7.04.2008 с Минэкономразвития РК / Науч. рук. Т. В. Морозова.

Лесной кодекс РФ № 200-ФЗ от 4.12.2006.

Львов Д. С. Земельные отношения в современной России // Природные ресурсы – национальное богатство России. Издание Госдумы. М., 1999.

Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. М., 1989.

Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х гг. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009 / А. А. Аузан, А. В. Золотов, В. Л. Тамбовцев. М., 2010. С. 384–430.

Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики. Проект РФФИ № 08–06–10031к, 2006–2008 / Науч. рук. Г. Б. Козырева.

Россия в глобализирующемся мире // Политико-экономические очерки / Отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

Скоробагатов А. С. Современная российская стабильность: предпосылки экономического развития или институциональный склероз? // Постсоветский институционализм. 2007.

Формирование региональных институциональных систем в условиях модернизации экономики северного приграничного региона // Отчет НИР № гос. регистрации 01200807137 Институт экономики Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2011.

ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Гос. контракт № 16.740.11.0418 от 26 ноября 2010 г.

Хикс Д. Р. Четыре излишка потребителя // Вехи экономической мысли / Сост. и общ. ред. В. М. Гальперина. СПб., 1999. С. 190–207.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Козырева Галина Борисовна

заведующая отделом, д. э. н.
Институт экономики Карельского научного центра РАН
пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185030
эл. почта: insteco@karelia.ru
тел.: (8142) 572090

Kozyreva, Galina

Institute of Economic Studies, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
50 A. Nevsky St., 185030 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: insteco@karelia.ru
tel.: (8142) 572090